

ОТШУМЕВШАЯ ЖИЗНЬ

Конец крестьянской Атлантиды

Р о м а н «Кануны»

*Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!..*

(Н. Рубцов. По вечерам)

Одни из них уже ушли в небытие; другие, что были тогда молоды, доживают свои дни по деревням и городам. Жизнь тех, кто проводил и пережил коллективизацию, — отшумевшая жизнь, для нас ставшая историей. «Сколько перепахано было земли, пролито пота? О, хлеб насыщенный! Многотрудный, всесильный наш!.. Господи, господи... И днем и ночью гласишь, в зиму и лето, от рожденья человеческого до смертного краю... Приди в закрома! Дай силу рукам человеческим, ясную зоркость уму и торжество бессмертной душе! Младенца установи на крепкие ноги, вдовицу утешь, приласкай сироту. Недруга напитай! Пускай потухнет его лютая злоба и стихнет потрясение нестойкой души. С тобой да сгинут везде страдания и смуты...»

А горячи до сих пор древние слова, навеянные Василию Белову в «Канунах» думой о вековых заботах крестьянина-кормильца; этих забот и на наш век достанет...

Роман В. Белова вышел уже неоднократно и вызывает неостывающий интерес читающей публики, однако критика не торопится со своими оценками, между тем с азартом споря о вещах далеко не первостепенных. Может быть, медлительность в чем-то и оправдана — не так уж просто разобраться с этим произведением: оно представляет собою качественно новое явление в литературе, посвященной теме коллективизации деревни.

И читатели не сразу поняли и приняли «Кануны» (и сейчас я не буду уверять, что приняли все из тех, хотя бы, кого знаю). Поначалу, исходя в своих оценках из эстетических установок, принятых на себя Беловым в «Привычном деле», разочарованно говаривали: «Не то!..» В самом деле, динамическая подвижность сцен не вдруг открывает характеры. Тем более роман — не «история одной семьи», и сосредоточенное внимание к двум-трем героям — как принцип — уступает место иным способам организации материала. И обращение писателя к коллективизации, которая мно-

гим представляется ясной до конца, казалось уходом от современности, отчего и своеобразия подхода Белова к прошлому недопонято.

Многие, мне приходилось слышать, читали «Кануны» не однажды, прежде чем — при видимой простоте романа — уловили его самобытное богатство, и теперь говорят о нем, не скрывая своих бескорыстных читательских восторгов. Еще бы не радоваться, — ведь это радость самостоятельного открытия нового художественного мира. Но, наверное, пора и критике сказать свое слово, и, я уверен, будет сказано немало, только — когда? — вот вопрос...

Конечно, пока мы имеем дело с одной из нескольких задуманных книг. Ни события, ни характеры не развернуты в полной мере, но роман уже существует как цельное произведение. Потому, хотя бы, что картины народной жизни набросаны широко, вольно и с тою выразительностью, какой мы давно не встречали в нашей далеко не бедной прозе. И потому еще, что каждый персонаж в «Канунах», порою едва намеченный, живет своей собственной жизнью, обрел черты для дальнейшего развития. Легко предположить, как повел бы себя тот или иной герой в различных ситуациях, и сам писатель обязан уже считаться с логикой характеров, силою его воображения наделенных безусловной самостоятельностью.

В каких еще обстоятельствах проявят себя герои В. Белова, это — будем надеяться — нам станет известно позже. А обстановка «Канунов» развилась уже от умиротворенного спокойствия и веселой удалы рождественских праздников до шумного собрания, разделившего деревню на три списка — по классовой принадлежности — вместо привычных шести, отражавших уровень достатка. Тревожно отгуляла деревня Казанскую — многолюдный летний праздник между сенокосом и уборкой урожая, — с дракой парней, наездом чрезвычайной комиссии из уезда. А дополнительное обложение налогом крепких мужиков по осени поднимает напряжение в деревне, уже, кажется, до предела...

В тревожном ожидании новых перемен жизнь каждого из героев В. Белова идет между тем своим чередом, в привычных повседневных трудах и занятиях. Для них еще впереди то, о чем мы уже знаем. Они, полные опасений и надежд, прожили 1928 год... Да, мы знаем больше их, знаем, что им предстоит. Но дает ли нам что-то их опыт, по-своему осмысленный писателем? Ведь история не повторяется — она состоялась, и ни одного камня не вынуть из прошлого, ни одного не подменить. Не меняется история, но подвижны наши представления о ней, — время вносит свои поправки. Потому-то и теперь нас будоражат страсти той нелегкой поры.

Советская литература сделала немало для того, чтобы история еще недавних в общем-то десятилетий осталась для нас в картинных образах, ожила в неповторимо драматических судьбах людей. Мировой известностью по праву пользуется роман М. Шолохова «Поднятая целина», первую книгу которого от второй отделяет почти четверть века. И понятно, что изменившийся уровень общественного сознания сказался в различии принципов подхода писателя к жизненному материалу. А следующие двадцать лет предопределили не меньшие сдвиги в жизни общества и литературы.

Романы о крестьянстве, созданные в конце двадцатых — начале тридцатых годов Ф. Панферовым, К. Горбуновым, П. Замойским, И. Макаровым, А. Дорогойченко и многими другими, ныне основательно забытыми авторами, широко показывали быт доколхозной деревни. Пьяные скандалы, грязь, поножовщина, сомнительные любовные коллизии,— короче, самые темные стороны деревенского быта занимали писателей.

Подобная направленность оправдывалась целью доказать необходимость перестройки жизни на новых, коллективных началах, но, тем не менее, картина народной жизни рисовалась односторонне. Богатство нравственных и трудовых традиций русского крестьянства оставалось в тени. Кроме того, язык крестьянских романов далек был от живого народного языка, искажался и вульгаризовался, о чем тогда же с беспокойством писал А. М. Горький. Ясно, что такой язык не мог со всей объективностью рассказать о деревне той поры.

Вторая волна интереса к великому перелому в деревне выплеснулась четверть века спустя, в середине пятидесятих годов («Ручьи весенние» Е. Пермитина, «Ненависть» И. Шухова и т. д.), но принципиально нового подхода к теме она не обнаружила: новые романы оказались внешней перелицовкой старых. Иное отношение к материалу, уже, казалось бы, отработанному литературой, нашел тогда опять же Михаил Шолохов.

«Во второй книге,— говорил Шолохов,— мне хочется бытописать. Уж больно ядрен и любопытен колхозный быт. И представляется мне, что несколько иронический термин «бытописатель» теперь теряет остроту иронии. Нужно бытописать и лестно быть бытописателем! («Известия», 1935, 10 марта). И два десятилетия спустя эта программа была реализована во второй книге «Поднятой целины». Нетрудно заметить ориентацию писателя на изображение нового в быту. Но на пустом месте новое не вырастает. И не удивительно, что в хронике «На Иртыше» (1964) С. Залыгин уделяет немало внимания быту доколхозной деревни — насколько это было возможно в узких рамках повести.

В центре хроники С. Залыгина — образ Степана Чаузова. Это сильный и гордый человек, рассудительный и в то же время порывистый, но что самое главное в нем — это безграничное трудолюбие. Экономическая, социальная, политическая проблематика повести Залыгина находит выход в бытовом преломлении, и отсюда пластически, как бы само собой вытекает главное, что интересует писателя: нравственный итог переплетения политических интересов. Такой подход predetermined новизну и современность хроники С. Залыгина «На Иртыше», положившей начало новому этапу отражения перемены в жизни деревни.

Отдельные стороны этого процесса нашли выражение в «Последнем поклоне» В. Астафьева. А вслед за «Канунами» В. Белова, в самое последнее время, появляются одно за другим новые произведения о той далекой поре: «Мужики и бабы» Б. Можаяева, «Кукоара» И. Чобану, «Касьян Остудный» И. Акулова. Романы эти неравноценны, но в них немало общего, во всяком случае, опыт С. Залыгина не прошел мимо их авторов.

Для всех названных писателей характерно стремление художественно осмыслить предпосылки коллективизации, и потому обращаются они, будто сговорившись, к 1928 году или, во всяком случае, к начальному этапу перестройки деревни. Общим для всех оказывается и углубленный интерес к характеру крестьянина-труженика, который открывается нам в широком бытовом и социальном планах как личность самостоятельно думающая и граждански ответственная.

В современной прозе четко определился впервые заявленный у Залыгина новый подход к изображению быта старой деревни, — уже советской, но еще доколхозной. Именно тогда выразился во всем лучшем «тысячелетний уклад русской жизни» (говоря словами писателя). В лучшем, потому что крестьянин, избавленный от засилья кулака и лавочника, трудился на своей земле, полученной от Советов, для себя и своей страны и жил, освобождаясь в новых условиях от диких пережитков, с доверием в основной массе относясь к начинаниям социалистического государства.

Важно отметить, что цель бытописательства становится сейчас принципиально иной, чем в двадцатые-тридцатые годы. Незачем уже кого бы то ни было убеждать в пользе коллективизации. Нет нужды и бичевать старый быт — он ушел навсегда. А вот сохранить в памяти потомков его лучшие черты и традиции есть настоящая необходимость.

Впервые в современной прозе Василий Белов развертывает картины народной жизни в канун коллективизации на широком эпическом фоне, показывая нам традиционный уклад крестьянской жизни в небывалой

доселе полноте, добиваясь смысловой и эстетической полноты звучания каждого слова. Его герои живут этим укладом, и потому роман не страдает описательностью — быт существует в единстве с жизнью героев во всей своей пестроте и противоречивости переходного периода.

К полноте изображения жизни в художественно необходимых связях стремится В. Белов, отсюда значительно и количество персонажей в романе: крестьяне от мала до велика, городские рабочие, бывший дворянин и священник, партийные и советские работники. Широко охват времени и пространства в «Канунах». Как бы мимоходом нам открыта предыстория героев и с тревожной напряженностью провидится завтрашний день.

Действие свободно и плавно переносится из лесной деревни Шибаниха в Вологду и Москву — мы присутствуем при беседе секретаря губкома партии, побываем в приемной Калинина. Из крестьянской избы в городскую коммунальную квартиру, с игрища в контору сельсовета, со сватовства или свадьбы на рубку леса или на крестьянское собрание ведет нас писатель.

Конечно, чаще всего мы видим тех людей, кто растит хлеб, — в чередовании губернских и московских сцен налицо очевидное нарушение ритма: наибольшее внимание уделяется жизни деревни. Но читатель посвящен и в действие тех незримых для крестьянина пружин, которые определяют ход его жизни... В соответствии с развитием действия меняются ракурсы видения: иногда глазами автора, в других случаях — того или иного героя. Прямое следствие этого — разнообразие интонации, стиля и, разумеется, языка повествования.

Медлителен, плавлен тон беловской прозы, когда пишет он вечер в крестьянской избе с извечными домашними занятиями (дед ложку деревянную режет, глава семейства завертки вьет, сбивает сметану его жена, а дети — один вершу плетет, другая прядет куделю), с неспешными разговорами. Брызжет грубоватым юмором беседа мужиков, написанная с перепадами настроения, динамичностью диалогов. Озорством, неумолимо дышат ребячьи святочные забавы, а приключения попа Николая в Москве — курьезность. Морозная рождественская ночь в деревне исполнена тихой благодати, а зимняя столица открывается восхищенному провинциалу в таинственном, праздничном облике.

Рассказывая о труде и быте рабочих московского завода или о жизни губернского центра, писатель так же точен в конкретных деталях и языке, всегда соответствующем своему предмету, как и в показе деревни. Появление на страницах романа дворянского интеллигента Прозорова или

священника Сулоева тоже с неизбежностью влечет за собою изменения в самом строе авторской речи. Так, если душевная жизнь крестьянина открывается в его слове, жесте, поступке и никогда почти в развернутом внутреннем монологе, то этот последний прием обычен для раскрытия душевной жизни Прозорова.

В романе много картин природы, и создаются они тоже по-разному в зависимости от их целевого назначения и восприятия. Разумеется, пейзаж всегда остается живописным фоном и никогда не рисуется Беловым как самоцель. Молодой мужик Павел Пачин вовсе не лишен чувства прекрасного, но луг и лес — место его работы, действие и результаты его труда он видит естественно вписанными в природный мир. Напротив, Прозоров — созерцатель, и восприятие пейзажа определяется его переживаниями, в то же время формируя настроения. А для Белова, кроме всего прочего, взаимосвязь природы и человека, как созерцателя, так и деятеля,— еще и один из источников формирования глубинной философии «Жанунов». Нет, эта философия никогда прямо не заявляется, но пронизывает собою весь роман.

Писатель свободно владеет пластикой слова. Одна фраза влечет за собой другую, третью, складываясь в единственно возможную для данной ситуации картину поведения того или иного персонажа. Вот молодой парень, председатель сельсовета Николай Микулин читает далеко не во всем понятное ему письмо из УКОМа.

«Он рассердился и плюнул в сторону, но тут же одумался и огляделся. Однако в помещении никого не было. Микуленок вздохнул и закурил махорки из дареного девкой кисета. Надо было писать сведения, а что писать, он не знал. К тому же вот-вот должен был зайти Петька Гирич, по прозвищу Штырь, приехавший из Москвы в отпуск, одногодок и холостяк. Они еще утром уговорились идти на игрище ряжеными.

Микуленок ходил по полу, курил, расправлял и подтягивал длинные, до пахов, голенища валенок. Наконец его круглое девичье лицо по-мальчишески просияло, он сел и...» — и, конечно, написал,— не это важно. Здесь не выбросишь ни одной фразы, ни одного слова без ущерба для целого.

Приглядимся, как по-ребячески выразилась досада Микулина, но он тут же вспомнил о своем общественном положении — оглядывается. Никто не видит, однако растерянность не оставляет героя: нет выхода и — как за спасение — он берется за табак... Пауза затягивается, писатель одной фразой открыл нам огорчения Микулина, показав их в форме внутреннего

движения (писать надо — а что писать?). А внешне оно выразилось в его ненужных суетливых жестах — от маеты он возится с валенками, а не по необходимости. И, наконец, как открытие, приходит искомое решение, которое и проявилось снова в невольном жесте — мальчишеской улыбке. Герой живет на наших глазах, казалось бы, независимо от автора.

«В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, — писал А. Н. Толстой, — и жест этот подсказывает мне глагол, чтобы дать движение, вскрывающее психологию». Вот и В. Белов с полной отчетливостью видит своих героев в самых подспудных движениях, слышит их даже в невысказанных словах. И лексика авторского повествования рождена тою же средой, которую он описывает, хотя, разумеется, тщательно обработана.

Диалектизм не избегает В. Белов — без них бытописание просто-напросто невозможно, — но всякий раз они или пояснены тут же, в тексте (Носопырь «принес дров, открыл чилисник — дымовую трубу — и затопил каменку»; «лежит пластами береста — скадьё для перегонки на деготь»), или понятны из контекста (Аксинья «сбивает мутовкой сметану в рыльнице», — ясно, что о посудине речь идет, и форма ее представляется; «ребятишки, получив по гостинцу, выпростали избу»; «на святки гулял везде дородный мороз» и т. д.).

Язык романа В. Белова исключительно емок, он не просто несет какую-то информацию, но заключает в себе связь героя со средой, с обстановкой. И с этой точки зрения, — поскольку связи определяют те или иные, пусть иногда совсем незначительные, поступки героя, — велика эстетическая содержательность языка. Усиливается она еще и тем, что возникающие под пером писателя картины полнятся запахами, звуками. Их не приходится описывать специально — живут они в тех же самых словах.

Вот представьте: вечер, в избе, кроме старика, никого нет. «За печным кожухом потрескивала, высыхая, лучина, шуршали в стенах тараканы». Дед, помолившись, лезет на печь. «Там, наверху, он поставил валенки на горячее место, заткнул уши куделей, чтобы не заполз таракан, и положил голову на узел высыхающей ржи.

Где-то в бревнах летней избы сильно пальнул мороз...»

Используя иные, описательные — взглядом со стороны, привычные в литературном обиходе слова, и для сообщения всего, что здесь в двух фразах содержится, потребовалось бы куда как больше слов, без надежды найти подобную выразительную, картинную ясность и бытовую содержательность.

Значимо в романе каждое слово — иначе вряд ли бы мы представили себе тот, ныне почти уже исчезнувший, бытовой уклад, каким жила едва ли не вся огромная крестьянская Россия. Многие из нас забыли, казалось бы, недавнее и сейчас, читая Белова, можем только удивляться, как мало об этом укладе нам рассказала литература.

Волею писателя нам дозволено навестить не одну крестьянскую избу.

В баньке Носопыря или избушке бабки Тани господствует бедность — это одинокие старики, и одолеть нищету им уже не дано. Они, однако, не парии в деревне, а по-своему нужны людям, и те их привечают, впрочем, более по доброте.

Скромный достаток большинства показан в семействе Никиты Рогова. Один вечер в его доме больше скажет о семейных традициях, домашних занятиях и развлечениях крестьянина, чем иное этнографическое исследование. Почувствуешь тут атмосферу довольства и благожелательности друг к другу, приветливость к чужому, уважительное отношение к старшим и ласковую требовательность к детям. Поймешь и живое бытование сказки, в реальность которой верят едва ли не все, кроме хозяина — того положение главы заставляет хранить достоинство.

Оказавшись на ухоженном подворье Евграфа Миронова, возле двухэтажного пятистенка с зимовкой, какие не редкость в наших северных деревнях и до сих пор, за всей утварью и добротными припасами узнаешь, каково они даются и чем занимаются мужик и его семья недолгим летом и осенью. Цену достатка поймешь и по тому, как Никита Рогов начинает уже в предутренние сумерки возиться во дворе по хозяйству, когда еще и разгулявшиеся игрище по избам не расплзлось.

Есть неизъяснимая прелесть в изображении семейного уклада, но писатель постоянно выводит своих героев и на деревенскую улицу, делая и читателя если не участником, то наблюдателем широкого деревенского гулянья, когда каждый перед сельским миром оказывается на виду. И не зря выбрано время святок — едва ли не самого веселого и поэтичного зимнего праздника с его традиционными забавами — гаданиями, ряжеными, игрищами, которые захватывают буквально всех и каждого.

Озоруют девки, откупив избу для гуляния, на которое собралось «человек сто молодняку». Наряду с бойкой частушкой, бегущей издавна в деревне и тут же приходящейся, захватывают молодежь и новомодные пляски, которые приходят откуда-то издалека, «как приходят в Шибаниху песни, слухи и нищие». Не знают границ святочные шалости ребятишек, почти безнаказанные в эту пору, потому что имеют силу традиции, перед

которыми даже иной мужик степенность потеряет — как Акиндин Судейкин, забравшийся на крышу и спрятавший в печную трубу поповскую епитрахиль. С дотошным знанием подробностей, весело и раскованно пишет В. Белов о святочных забавах.

При изображении таких массовых сцен, как сватовство и свадьба, трудно избежать декоративной описательности. Но и здесь герои живут своими чувствами. Сами они и все окружающее открываются под перекрестными взглядами односельчан. Слова, которые они говорят, песни, какие при этом поются, для них знакомы и привычны, но от свадьбы к свадьбе роли участников меняются. Поэтому каждый раз событие переживается по-новому, отчего и картины рисуются в своей первоначальной свежести, а герои — в душевной открытости.

Полна удали сцена традиционного рождественского забега на лошадях от деревни до деревни, когда азарт соревнования охватывает, кажется, всех. Лестно похвастаться конем, а не конем — так сбруей. Нажитое своим трудом внушает каждому особую гордость. А тут мир судит, кто каков хозяин. И по тому, как ведут себя люди, пойдем мы их характеры: азарт, сломивший рассудительность Савватая Климова, едва ли не загнавшего свою кобыленку; обманутую самоуверенность Акиндина Судейкина; готовность Евграфа Миронова уступить племяннику, будто жалея лошадь («Я шажком. Мне на ней вешное пахать»)... Многие и в самом деле осторожны, выезжают только ради традиции да чтоб на миру побыть. Ведь у крестьянина к лошади, «составляющей, по словам Л. Н. Толстого, не только его богатство, но почти часть его семейства», сохранялось самое заботливое отношение. Она — первый помощник в любом труде.

Развернутых картин труда в романе немного, но они помогают почувствовать, что работа занимала в жизни крестьянина первостепенное место, была целью и смыслом жизни. Такое понимание передается от старших к младшим, из поколения в поколение. Этот взгляд усвоил от отца Данилы и Пашка Пачин. Вот почему «за свадебные дни он стосковался по крепкой, выбивающей пот работе», которая для него — радость. В труде чувствует он и содержательность времени и связь с другими людьми. Приехал Пашка за сеном на пожню ему пока незнакомую и «с ласковой нежностью» думает, что метала, наверное, Верушка, его молодая жена, и от стога «пахнуло зеленым забытым. Словно добрый поклон от невозвратного лета передал коню и человеку распечатанный стог». Чувство общности в труде еще отчетливее открывает картина коллективной рубки

леса — помочи, которая всегда в деревне, по какому бы поводу не собиравась, становилась праздником.

В труде открывается крестьянская душа, душа работающих, сноровистых людей, приученных трудной жизнью к осторожности, осмотрительности, здоровой расчетливости. Здесь знают, на кого можно положиться, на кого нельзя.

В деревенской среде все знают всех, известны достоинства и слабости каждого. Здесь свято уважаются семейные традиции, семейная гордость. Знание такого рода дается в романе не отвлеченно и умозрительно — оно отражается в поведении, отношениях, в характерах персонажей. Их много в романе и, несмотря на то, что каждый отмечен общим, родовым отпечатком, герои В. Белова своеобразны, едва ли не все они наделены чертами развитой индивидуальности.

Можно говорить о близости характеров Ивана Рогова, Евграфа Миронова, Данилы Пачина — это мужики хозяйственные, хотя по уровню благосостояния живут не одинаково. Трудовой достаток и уважение соседей определяют их благожелательность к людям. Евграф осмотрителен, однако, бывает, не свободен от запальчивости. Иван — усмешлив, не без юморка, хотя и не обидит человека даже словом. Данила — беспокойнее (впрочем, ему и судьба беспокойнее выпала), и готов, если нужно, идти искать свою правду, при этом тоже в общем-то не теряя осмотрительности.

Колоритна фигура Акиндина Судейкина, мужика азартного, веселого, даже разбитного, который за словом в карман не лезет. Единственное богатство его — породистый жеребец Ундер, ради покупки которого распродал он всю остальную скотину. Может Акиндин показаться злоязычным, но сговорчив в отношениях с людьми и понимает их нужду. Противоположен по характеру образ кулака Северьяна Брускова по прозвищу Жучок, который в любом случае не прочь за чужой счет развиться. Ключин Степан, «книгочей и выдумщик», Савватей Климов, Иван Нечаев — любой из мужиков не просто наделен «особинкой», а имеет отчетливо выраженный характер, логику которого и развивается образ каждого.

Особые симпатии В. Белова вызывает образ молодого мужика Павла Пачина, которого писатель проводит через весь роман. Он добродушен и быстро вспыхивает от возмущения, однако отходчив, — таков он в первой встрече с Игнатом Сопроновым, еще ему незнакомым, и с озорующими подростками в чужой деревне. Несмотря на молодость, Павел уважаем

Белолодская

как самостоятельный работник, и дядя его Евграф Миронов замечает будущему свояку Ивану Рогову: «Толчею-то видал около Ольховицы? Все сам сделал, отец только показывал, как что». Толчая — это небольшая мельница... И прочтя «Кануны» до конца, мы убедимся, что вот тут уже и заложен в главном образ Павла Пачина — человека доброй души, работающего и незлобиво, рискованного в неумеренной страсти самостоятельно создавать.

Добрые качества молодого мужика сразу оценили в семье Роговых, куда пришел он в примы и, приученный отцом Данилой уважать людей, скоро привык к новой родине. Поэтичны страницы, посвященные скромной, застенчивой любви Павла к жене его Вере. Духовно-родственное взаимопонимание нашел он и с дедом Никитой, который поддержал его замысел строить большую мельницу и не оставил без помощи в критические моменты строительства. Самые яркие картины труда — на рубке леса и молотье, на вывозке сена и на стройке — одухотворены деятельным азартом Павла.

Делать то, что на земле ему предуготовано, о другом Павел не мыслит. Он весь нацелен на добро к людям, — это почувствуешь, например, в тот момент, когда Павел случайно нашел обрез, кем-то спрятанный под мостом, и сбросил в омут. Но тревога уже закрадывается: что-то пророчит нерадостная находка?.. А спустя несколько месяцев Павел стоял перед стволом, что навел пьяный и бешеный от злобы Игнат Сопронов. Ружье дало осечку, но Павел, который раньше не раз звал Игнаху к примирению, не воспользовался теперь преимуществом своей силы. Его достоинство в безграничном трудолюбии и неизменной доброте...

В. Белова интересуют не только индивидуальности, но и родовые черты крестьянина. Разумеется, прежде всего это трудолюбие, но не только. Выходит ли замуж Рогова Вера за хорошего парня, которого любит она, и радуется — это чувство знакомо любой молодой крестьянке, обретающей семейное счастье: не каждой только такое счастье достается. Вот в святочную ночь приходит Вера в баньку гадать и томится ожиданием и страшится. В таинственности морозного вечера оживают в ее воображении образы сказочных чудищ, — и тут мы заметим общее для психического склада женщин той поры, в чем сказывается и характер мышления всей среды. Эти особенности отчетливее видятся в женских образах, наверное, потому, что женщина тогда еще не обрела той самостоятельности, что появилась позже, и развитая индивидуальность в ней определилась не вдруг.

Родовые черты старинного крестьянского мироощущения интересно схвачены в образе старого Носопыря, для которого, например, реально существует баннушко, бес — хозяин бани, и с ним он постоянно «перебранивается». Но рядом с этой наивностью, вместе с ней есть у него и потребность понять мир, «по обе стороны, по ту и по эту», в сокровенных, глубочайших тайнах.

Своеобразно подмеченная В. Беловым черточка крестьянского характера, родившаяся, видимо, еще в пору патриархальной близости людей в деревне: необходимость чувствовать взаимопонимание с другими людьми, знать, что к тебе по-хорошему относятся, — условие собственного душевного равновесия. Так Данила Пачин не выдерживает безразличного молчания московского извозчика, беспокоится неведомо почему, тяготится. Прост поступок, чтоб сбросить гнетущую отчужденность, — Данила угощает пирогом и своего спутника, и извозчика: «Все трое, жуя пшеничник, ехали по Москве, и каждому было отрадно оттого, что он не желает другому ничего плохого».

Не потому ли Пашка Пачин прогоняет с воза незнакомого ему Игнаху Сопронова, что не почувствовал в нем такой привычной ему приветливости, благожелательности?.. Той благожелательности, которая характеризует его отношения с Иваном Нечаевым, вместе с которым Пашка служил в армии. Вот Белов показывает, как едут они вдвоем на дровнях: «они пели, и каждый чувствовал, как рождается у них друг к другу что-то хорошее, надежное».

Издревле заложены такие свойства в характере крестьянина. Одни из них стираются, исчезают, другие своеобразно переплетаются с новыми, возникающими в изменившихся условиях. Нет в крестьянине былой покорности, он хочет чувствовать и чувствует себя ни от кого не зависимым членом общества. Павлу Пачину, бывшему красноармейцу, незачем скрывать свои чувства перед заносчивым спутником. Не спускает Игнату Сопронову начальственный тона и Иван Нечаев, видя в нем ровесника, а не только представителя УКОМа, — ведь и сам Иван пришел из армии с командирскими ромбиками в петлицах. Не считает нужным прятать свое мнение перед представителем власти Африкан Дрынов, мужик из дальней деревни, чья буденовка напоминает о боевом прошлом: власть, которую он защищал, бывший фронтовик сознает своей властью.

Может быть, еще ярче и своеобразнее показывает писатель, как исконная гордость мужика своим трудолюбием переплетается с новым для

него чувством гражданственности, раскрывая образ Данилы Пачина, у которого отняли мельницу, лишив его при этом права голоса. Данила едет в Москву с жалобой на волисполком. Он готов платить повышенный налог, хотя чужим трудом никогда не пользовался, но «быть лишенным прав никак не мог». Данила так возмущен, что готов с первым встречным делиться своей обидой, и удивляется словам московского извозчика: «По мне так лучше бы из всех списков меня вычистили да больше не трогали». Обыватель, как видим, остался обывателем, а мужик Данила привык жить на миру и свою репутацию беречь. Своей заслугой он числит не только то, что воевал на гражданской за Советскую власть, которой он «ничего худого не сделал», но и другое, извечное:

«Меня все люди знают. Данило век свой встает и ложится с солнышком, худым словом никого не обидел, как это так? За что Данила лишать голосу? Нет, я дойду до Калинина! Чтоб голос воротили и во все списки обратно внесли». И дошел, и добился, чтоб голос воротили...

Новое входит в жизнь не без курьезов, но сознательного сопротивления не встречает: за десять лет мужики привыкли доверять Советской власти. Вызывает невольную улыбку, что жалобу во ВЦИК Данила пишет на старой гербовой бумаге, еще с двуглавым орлом. Забавно, что Селька Сопронов, брат Игната, начал обучать девок политграмоте с «Капитала». Они, конечно, осмеяли незадачливого агитатора в хлесткой частушке. А пожилой мужик Степан Ключин, видя это, хотя и не уважает безалаберного Селифона, одергивает девок, замечая, что в книге-то, может, и дело написано.

В изменившихся условиях, естественно, и вера в бога пошатнулась, и уважение к его служителям. Акиндин Судейкин с отцом Николаем не только как с ровней разговаривает, но и грубоватой поговорки не постесняется: в карты «с попом играть, что босиком плясать». Да и сам поп, здоровенный мужик, привык к новому положению. Вплоть до того, что в компании за чаркой со всеми вместе станет распевать: «Что с попом, что с кулаком вся беседа,— в брюхо толстое штыком мироеда». Нет, не зря считают прогрессистом отца Николая по прозвищу «поп Рыжко»!

Смешение традиционных привычек и обязанностей, сложившихся в новых условиях, определяет своеобразие образов председателя сельсовета Николая Микулина, молодого парня, и его друга Петьки Гирина, курьера канцелярии ВЦИКа, что приехал в Шибаниху в отпуск. То ли на гулянье бежать, то ли отчет в УКОМ писать,— Микуленок хочет успеть и

то, и другое. Вырядился покойником Петька, у которого под «саваном» — синие комсоставские галифе, а в кармане наган и четвертинка. Смешение не только внешнее — оно наложило отпечаток и на сознание героев. Так за святочными гуляньями некогда Микуленку разобраться, что же в ближайшее время ждет деревню, а может, и не под силу ему понять, но предчувствует он — что-то будет.

Этим предчувствием живет едва ли не каждый в деревне, хотя этот момент В. Белов не выделяет особо. Ощущение неизбежности перемен живет подспудно в сознании мужиков, определяя во многом их поступки. Между привычными святочными разговорами вдруг вспыхнут толки про ТОЗ, про коммуны, про помощь, которую оказывает государство беднякам. Переговоры о сватовстве тоже определены мыслью о том, как лучше приспособиться к нынешним условиям. Сошлись мужики побеседовать у Степана Ключина, а жена его на их секреты: «Тоже коммуны устраивать надумали?» А мужики хоть и не надумали — договариваются только о строительстве мельницы на паях, но в их опасениях, вызванных предстоящими расходами и трудностями, звучит и еще одно: «Время-то, вишь, ненадежное».

Ненадежное время потому, что мужики устали от неопределенности. Их мнение высказывает Африкан Дрынов, обращаясь на собрании к председателю Ольховского волисполкома Лузину: «У нас, Степан Иванович, пошто это все временно-то? Инструкция временная, начальство временное. Сто семья статья за хлебозаготовки тоже, говорят, временно». Впрочем, пока трудовая деревня живет спокойно: все — свое и власть — своя, трагедий и потрясений не ожидается.

Конечно, мужики хорошо поняли, что значит разделение на три списка, — их опасения выражаются в практических действиях. Судейкин кастрировал своего красавца-жеребца, чтобы не оказаться владельцем собственности, приносящей дополнительный доход. Евграф Миронов выходит из пая в строительстве мельницы. Но пока ничто не предвещает возмущения: налоги выплачиваются исправно, крепнет кооператив по производству масла...

Деревня жила так, как это было предусмотрено ленинской новой экономической политикой. Мужики доверяли Советской власти и шли навстречу ее начинаниям, исправно выполняя свои обязанности перед государством. В случае необходимости они апеллировали к ней, надеясь на справедливость и находя ее, как, например, Данила Пачин. И в перспективе линия партии на коллективизацию, исторически необходимая,

не отталкивала мужиков сама по себе — здесь важно иметь в виду нечто иное.

Историческая необходимость обнаруживает себя в действиях отдельных людей, представляющих различные уровни общественной структуры. И Василий Белов не рассуждает об истории, о судьбах крестьянина — он показывает его жизнь, а также действия и намерения Советской власти и партии. Линия партии, в перспективе на года четкая и определенная, реализуется во множестве частных проявлений, среди которых наряду с позитивными и необходимыми есть и отрицательные. Тут и перепады борьбы с троцкизмом, породившие чувство неуверенности у некоторых партийных работников (секретарь губкома Шумилов). Тут и вредные вылазки примазавшихся к партии людей вроде Сопронова, и формализм уздного агитпропа Меерсона, далекого от жизни народа.

За этими «мелочами» (а они логически связаны между собой, вытекают одна из другой) для мужика в деревне линия партии не была видна с такой ясностью, как для нас теперь. И каждый мужик работает на свой страх и риск, видя рядом только злобного Игнаху Сопронова и неуверенного в себе, вялого Микуленка. Односельчане ведь не знают, что Игнаха давно уж ходит без партбилета и линию партии вовсе не олицетворяет собою.

Ход истории не только направляется «сверху», но и стихийно проявляется снизу. Показав эту противоречивость в действиях своих героев, В. Белов достиг выразительной гибкости художественных решений, удивительной полноты и точности в изображении реального движения жизни.

Итак, «возмутителем спокойствия» выступает в «Канунах» Игнат Сопронов — поначалу представитель УКОМа, молодой мужик из Шабанихи, отбившийся, было, от деревенской жизни, которая ему явно не по нутру. К мужикам он относится неприязненно, ко всему деревенскому — с недоверием: «Что ни изба, то и зажиточный... Наплодилось за эти годы кулаков... Ничего, еще прижмут хвосты, запоят не то. С нэпом-то, по всему видать, товарищ Сталин разделается...».

Прошлые обиды сделали Игната мстительным. Он, почувывая силу власти, позволяет себе и покуражиться. Разговаривая с Иваном Нечаевым, Сопронов «важно откинулся назад, постукивая по столу пальцами». Во время венчания Пашки с Верой заходит он в алтарь и, едва кончился обряд, начинает собрание: возмущения Павла и односельчан

он не понимает. Отчужден Игнат от народа, и люди это видят. Казалось бы, незначительная деталь: не может он на собрании, при составлении списков бедноты, вспомнить отчество старухи Татьяны Соколовой. «Матвеевна... Крестила тебя и меня»,— сообщает с издевочкой мужик с места.

Движимый злобой, ни с кем не советуясь и не считаясь с мнением мужиков, составляет Игнат списки по трем группам. Данила Пачин, конечно, попадает в кулаки — к нему у Игната особая неприязнь, а мужики Данилу отстаивают, называя тех, кто действительно батраков держит,— вот первая собственно конфликтная ситуация в романе, предсказывающая накал страстей в недалеком будущем.

Правда, поведение Сопронова встречает сопротивление не только среди крестьян. Степан Лузин собирает коммунистов, и решением большинства Сопронова отстраняют от руководства ячейкой за «троцкистские взгляды и левацкие методы». К чему это поведет? Кто знает... Только Данила Пачин, узнав о случившемся, сожалеет: «Не ладно. Не ладно, хоть и прохвост... Он теперь по верхам пойдет, только хуже наделали». В тот же вечер Игнат пишет жалобу в УКОМ на неправильное поведение ольховских коммунистов.

Оставшись не у дел, Игнаха Сопронов едет на заработки, копит злобу и деньги, живя еще неясными надеждами, которые рухнули с лишением партбилета. Но не успокоился Игнат, в анонимных письмах он находит способ прижать ненавистных односельчан. Хорошо еще, чрезвычайная комиссия из уезда не обидела стариков, выпоровших Сельку за хулиганство, но «боярского потомка» Прозорова (не приняв во внимание его безбидности и некоторых революционных заслуг) и отца Николая выслали. Однако этого мало Сопронову, а «добрый» человек всегда найдется — Микулин выручает Игната. Не столько жалея, сколько желая сам избавиться от лишней работы, он выдвигает его председателем установочной комиссии.

Игнат Сопронов дождался своего часа: он единолично, в силу своих предубеждений, раскладывает на мужиков дополнительный налог. Тут и Данила Пачин снова прижат, и с Пашкой счеты сводятся. Получил свое и Евграф Миронов, а косвенно, заодно с ним и «рука дающая» — Микулин... Все это изображено В. Беловым в живописных сценах, с точностью психологических мотивировок. Накануне больших перемен общественные настроения в Шибанихе и Ольховке без видимой необходимости взвинче-

ны. А ведь могло обернуться — будь на то элементарная справедливость — гораздо проще...

События романа Василия Белова — это действительно кануны больших назревающих перемен. Этим определяется для писателя отбор материала и построение произведения.

Строго следуя естественному ходу событий, пластично переходя от одного происшествия к другому, Белов формирует строгий в своей необходимости сюжет и на его основе — широкую, содержательную картину народной жизни. Она убедительна в любых своих мелочах, ни в чем не обнаружится авторский произвол — сцепление картин определяется логикой самой жизни.

Любая из сцен романа целиком и полностью является необходимым следствием каких-то событий, определенных логикой тех или иных характеров. Так, встречи Петьки Гирина с отцом Николаем и Игнатом Сопроновым не произошло бы в данный момент, не убеги Микуленок за чекушкой к Татьяне Соколовой. Так же и забавные злоключения арестованных стариков неумолимо сцеплены с ходом разгулявшейся Казанской и поведением попа Рыжко и незадачливого сторожа Митьки Усова. Выбором ситуаций определяется во многом не только стиливое разнообразие романа, но и гармоничность его архитектоники. (Может быть, только губернские и московские сцены, исключая те, что непосредственно касаются Данилы Пачина, несколько замкнуты в себе).

Изображение жизни в бытовом, социальном и эстетическом планах, выявление общественной психологии крестьянской массы накануне коллективизации — эти задачи решены писателем с большой глубиной художественного постижения действительности. Василий Белов реалистически правдиво показал особенности того уклада жизни, из которого, по словам Сергея Залыгина, «мы вышли без малого все и каждый».

Символом неистощимого трудолюбия русского крестьянина становится мельница, которая возводится непомерными усилиями и трудовой сметкой молодого мужика Павла Пачина. Для него «там, на угоре, клином сошелся белый свет. Сошлась и сгрудилась вся земля. И нет больше ничего дороже, все здесь словно душа всей земли...». И сам Павел, как тот столп, что «держит на себе всю несметную и неоцутимую теперь тяжесть». Не случайно так подробно, с поэтическим воодушевлением рисует В. Белов образы и могучей сосны, и самой мельницы.

Такую жадность до работы (о богатстве не мечтает Павел Пачин) не понять никогда Игнату Сопронову. Вспомним, как он, вернувшись с зара-

ботков, на предложение жены купить у Судейкина жеребца отвечает: «Придет время, отдаст за так». А сам думает, что «не для того он маялся в детстве. Не для того вступал в партию, узнал холод и голод, чтобы снова, как червяк, возиться в земле».

Многозначительна завершающая роман жуткая сцена смертной драки, в которую Игнат ввязывает Павла,— это выражение борьбы двух непримиримых жизненных начал. Сцена эта несводима только к себе самой, вспомним тайное письмо некоего Эйдлика, попавшее секретарю губкома Шумилу, еще некоторые незначительные, казалось бы, подробности. Такая непримиримость, которую показал Белов на разных уровнях общественной жизни, и осложнила исторически необходимое и неизбежное дело коллективизации деревни. Правда, конфликту, заданному в «Канунах», еще развиваться и развиваться, но не оставляет сомнений вера писателя в торжество жизни.

Думается, В. Белов прав как в своем уважении к Павлу Пачину, так и в глубокой неприязни к Игнату Сопронову,— тут в объективизм играть нет необходимости. Нравственные и трудовые традиции, которые наследует Павел, жизненно необходимы нашему обществу в движении вперед. И в нормах поведения Игната Сопронова содержится определенный жизненный урок едва ли не для каждого. Одних этот образ предостерегает против подобных людей (а такие себе в любое время удобную лазейку находят) и поможет найти меру отношений с ними. Других удерживает от упоения мелочными обидами на людей и жизнь, которое может далеко увести от подлинной человечности в отношениях с людьми, обществом.

Роман Василия Белова современен и поучителен в лучшем смысле этого слова и не только в своей утверждающей основе, но и в пафосе отрицания. Историческая хроника конца двадцатых годов, созданная в семидесятые, когда проблемы жизненных ценностей и личной ответственности становятся ведущими в жизни, социологии, искусстве, оказывается произведением чутко созвучным своему времени. Обращение писателя к истории в «Канунах» так же не случайно, как и к жизни нынешних горожан («Воспитание по доктору Споку»). История в произведениях В. Белова по целям исследования современна, а современность исторична. Одно поверяется другим — так человечество в художественной и практической деятельности обретает опыт для будущего.

1972, 1976